

Е. А. Лютикова
(МГУ / ИРЯ им. А. С. Пушкина),
А. В. Сидельцев
(Институт языкознания РАН)

ЗАЛОГОВЫЕ АЛЬТЕРНАЦИИ НЕФИНИТНЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА В ХЕТТСКОМ ЯЗЫКЕ¹

В статье рассматриваются залоговые характеристики двух нефинитных форм глагола — причастия и инфинитива — в хеттском языке. Обе эти формы неспособны выражать залог морфологически, однако выступают в конструкциях, характеризующих эти нефинитные формы как активные или пассивные. Такая неоднозначность залоговой интерпретации причастий и инфинитивов имеет разные источники. Для причастий определяющим является лексико-грамматический разряд глагола в его конкретном употреблении: глаголы в переходных употреблениях имеют пассивную интерпретацию причастия, в непереходных — активную. Залоговые альтернации инфинитивов проявляются в составе лексической реструктурирующей конструкции, когда залоговая интерпретация инфинитива однозначно соотносится с переходностью матричного предиката: при переходных матричных предикатах инфинитив интерпретируется активно, при непереходных — пассивно. Во всех прочих случаях инфинитив образует активную конструкцию.

Ключевые слова: Хеттский язык, синтаксис, причастия, инфинитивы, переходность, залог, активный залог, пассивный залог.

E. A. Lyutikova
(MSU, Pushkin State Russian Language Institute),
A. V. Sideltsev
(Institute of Linguistics, RAS)

Voice alternations in Hittite non-finite verbal forms

The paper deals with voice characteristics of two non-finite verb forms — participle and infinitive — in Hittite. Both forms cannot express voice morphologically, still they are used in constructions which characterize these non-finite forms as active or passive. We demonstrate that voice ambiguity of participles and infinitives is of different nature. For participles the key factor is lexicogrammatical class of the verb in its concrete use: verbs within transitive construal have passive participles, verbs within intransitive construal — active ones. Voice alternations of infinitives are possible in lexical restructuring construction. In these configurations voice interpretation of the infinitive correlates with

¹ Работа над статьей поддержана грантом РФФИ 20-012-00174А.

transitivity of the matrix predicate: under transitive matrix predicates the infinitive is interpreted as active and under intransitive ones – as passive.

Key words: The Hittite language, syntax, participles, infinitives, transitivity, voice, active voice, passive voice.

1. Введение

Парадигма синтетических глагольных форм хеттского языка распадается на две подпарадигмы — финитную и нефинитную. Формы финитной подпарадигмы охарактеризованы по (согласователю) лицу, (согласователю) числу, наклонению и залогу (актив vs. медий). Нефинитная подпарадигма, включающая супин, герундий, инфинитив и причастие, не реализует указанные категории морфологически. Тем не менее, для ряда нефинитных форм высказываются предположения о возможности их употребления в синтаксических конфигурациях, предполагающих разные значения категории залога. В литературе обсуждаются в этой связи залоговые характеристики причастия и инфинитива.

Причастия демонстрируют как различные значения категории залога в зависимости от глагола, так и различные залоговые интерпретации при одном и том же глаголе. Для подавляющего большинства глаголов хеттского языка категория залога у причастия определяется автоматически по глаголу — от переходных глаголов образуется активное причастие, а от переходных — пассивное (Hoffner, Melchert 2008: 339; Dardano 2014). При этом хорошо известны и немногочисленные случаи, когда от переходных глаголов образуются активные причастия (Hoffner, Melchert 2008: 339; Dardano 2014), например *šekkant-* ‘знающий’ от *šakk-* ‘знать’, *ištamaššant-* ‘слушающий’ от *ištamašš-* ‘слушать’.

Залоговая нейтральность инфинитива также обсуждается применительно к переходным глаголам, однако в этом случае пассивная интерпретация засвидетельствована значительно реже, чем активная. В хеттологии стандартно отмечается, что «... хеттский инфинитив немаркирован в отношении залога и может соответствовать активному или пассивному инфинитиву других языков»² (Hoffner, Melchert 2008: 332), см. также более ранние работы (Ose 1943: 55, 85; Kammenhuber 1954: 247–250). Недавнее исследование на эту тему представлено в Holland 2011.

² “...the Hittite infinitive is unmarked for voice and may equate to the active or passive infinitive of other languages” (Hoffner, Melchert 2008: 332).

Холланд приводит примеры, в которых инфинитивы могут интерпретироваться как либо активные, либо пассивные (1):

(1) NH/NS (CTH 61.II.5.B) KBo 4.4+ rev. iv 20–1
BELI=NI=wa=nnāš *šA* ^{URU}*Aripšā* *iwar* ^{URU}*Hattuši*
 господин=наш=QUOT=нас GEN Арипса как Хаттуса.DAT.SG
šārū-wanzi *lē* *maniyah-ti*
 грабить-INF PRONIB вручать-2SG.PRS
 ‘Господин наш, не вручай нас Хаттусе **быть ограбленными** как город Арипса’ (CHD L–N: 298; Holland 2011: 71–2; Goetze 1933: 136).

Таким образом, обсуждение залоговой нейтральности нефинитных форм затрагивает исключительно переходные глаголы и сосредоточено вокруг следующих проблем: (1) источники преимущественно пассивной интерпретации хеттских причастий — когнатов индоевропейских активных причастий; (2) специфика глаголов, допускающих активную и пассивную интерпретацию причастий; (3) филологический анализ контекстов, демонстрирующих пассивное употребление инфинитивов, и аргументация их залоговой нейтральности. Общий вывод, по-видимому, состоит в том, что и причастия, и инфинитивы, не выражая категорию залога морфологически, способны соотноситься как с активным, так и с пассивным залогом, доступным для финитных форм переходного глагола.

Подобный подход не позволяет объяснить следующие особенности залоговых характеристик нефинитных форм. Во-первых, для причастий переходных глаголов пассивная интерпретация является правилом, а активная — более редким случаем, в то время как для инфинитивов переходных глаголов активная интерпретация встречается значительно чаще, чем пассивная. Во-вторых, множество переходных глаголов, для которых фиксируется активное и пассивное употребление причастия, не совпадает с множеством глаголов, которые демонстрируют активное и пассивное употребление инфинитива.

Эти обобщения позволяют предположить, что неоднозначность залоговой интерпретации причастий и инфинитивов имеет разные источники. В этой статье мы последовательно рассмотрим залоговые характеристики причастий и инфинитивов и покажем, что возможность залоговой альтернативы причастия определяется лексико-грамматическим классом глагола, а возможность залоговой альтернативы инфинитива — внешним по отношению к инфинитиву синтаксическим контекстом.

2. Залоговые альтернации причастий

Хеттские причастия имеют два основных класса употреблений: атрибутивные и предикативные (Hoffner, Melchert 2008: 339; Dardano 2014). К атрибутивным относятся употребления в функции адъективного модификатора в именной группе (2), а также субстантивированные употребления (3):

(2) NH/INS (CTH 187) KBo 18.24 rev. iv 7'-9'
nu=za šA ^mŠuppiluliuma ^{GIŠ}TUKUL **tarahḫ-an**
 CONN=REFL GEN Суппилулиума оружие покорить-PTCP.ACC.SG.N
 šA DINGIR-LIM *arkamman-aš* URU^{DIDL.HI.A} *šarā da-tta*
 GEN бог данник-ACC.PL.C города вверх взять-2SG.PST
 'Ты взял города, **покоренные** оружием Суппилулиумы, данники божества' (Giorgieri, Mora 2004: 91).

(3) NH/INS (CTH 187) KBo 18.24 obv. i 10
nu=za LUGAL.GAL *kuit* *UL=za* *2-an*
 CONN=REFL царь.большой так-как NEG=REFL второй
tapar-anza
 править-PTCP.NOM.SG.C
 'Потому что я Великий Царь, а не **губернатор** второго ранга'
 (Giorgieri, Mora 2004: 90).

Предикативные употребления включают использование причастия в составе аналитических конструкций перфекта (4) и пассива (5), а также неграмматикализованные перифрастические конструкции причастий с глаголами *eš-* 'быть' и *ḫark-* 'иметь, держать' (6)–(7), в которых причастия являются предикатами в малых клаузах, служащих аргументами вспомогательных глаголов³.

(4) NH/NS (CTH 81.A) KUB 1.1+ rev. iii 31'–34'
 [*nu=mu=kan* šE(š=YA *kuit* ^mNIR.GÁL-*iš*) -(ta)
 CONN=мне=LOCP брат=мой так-как Муваталли-NOM.SG.C х
^{UR(U)}*Durmitta-n*) ^{UR(U)}*Zip)lanta-n* KUR ^{URU}*Ḫat(tena* KUR
 Дурмитта-ACC.SG.C Ципланта-ACC.SG.C страна Хаттена страна
^{URU}*Ḫakpišš-an* ^{UR(U)}*Išt)ahar(a-n)* *ir-ann-i*
 Хакпис-ACC.SG.C Истахара-ACC.SG.C служба-DAT.SG
piy(-an) **ḫar-ta]**
 дать-PTCP.NOM.SG.N иметь-3SG.PST

³ Аналогичные конструкции известны и для других индоевропейских языков, ср. английские *have-* и *get-* каузативы, а также немецкие *haben-*пассивы (Businger 2013; Gese 2013).

‘Потому что мой брат Муваталли **дал** мне города [...-]та, Дурмитта, Ципланта, Хатгена, Хакпис (и) Истахара [в управление]’ (Otten 1981: 18–9).

(5) NH/NS (СТН 176) KUB 21.38 obv. 26'

amtiqq=a=aš=kan UL anda malānza

я.ABL=и=она=ЛОСР NEG в одобрять.ПТСР.NOM.SG.C

‘Разве она не была **одобрена** мной?’ (Hoffner 2009: 284).

(6) NH/NS (СТН 40.III.d.1) KUB 19.7+ obv. i 3'-4'

ni URU Kinza[-š ...] war-anza ēš-t[a]

CONN Кинца-NOM.SG.C гореть-ПТСР.NOM.SG.C быть-3SG.PST

‘Город Кинца **горел**’ (del Monte 2009: 81).

(7) NH/NS (СТН 61.II.2.A) KUB 14.16+ obv. i 24

ni KUR-e paḥḥašnuw-an ḥark-ir

CONN страна-ACC.SG.N охранять-ПТСР.NOM.SG.N иметь-3PL.PST

‘Они держали страну **в безопасности/защищенной**’ (CHD P: 8; Goetze 1933: 28–9).

В литературе, посвященной синтаксису и семантике причастных перфектов и пассивов (см., например, Kratzer 1994, Rapp 2001, Alexiadou, Rathert, von Stechow 2003, Paslawska, von Stechow 2003, Embick 2004, Borik 2013, Borik, Gehrke 2019) указывается, что синтаксическая структура причастий в атрибутивном и предикативном употреблении может различаться. Так, например, в немецком языке атрибутивные причастия обладают способностью присоединять агентивное дополнение, в то время как причастия в составе адъективного пассива (Zustandspassiv) — нет:

(8) a. das von Maria **gemahlte** Bild

‘написанная Марией картина’

b. *Das Bild ist von Maria **gemahlt**.

ожид.: ‘Эта картина написана Марией.’

С другой стороны, аналитические конструкции глагольного (событийного) пассива и перфекта, использующие причастие, могут демонстрировать большее разнообразие способов модификации и меньшее число ограничений на аргументную структуру, чем атрибутивные причастия: например, в немецком языке причастие II от агентивных неопределенных одноместных глаголов возможно только в предикативном контексте (в составе перфекта или имперсонального пассива), но не в атрибутивном контексте.

- (9) a. Maria hat **gearbeitet**.
 ‘Мария (по)работала’ (перфект)
 b. Es wurde viel **gearbeitet**.
 ‘Много работали.’ (имперсональный пассив)
 c. *ein **gearbeiteter** Fachmann
 ожид. ‘(по)работавший специалист’

При этом, однако, не вполне понятно, до какой степени свойства аналитической конструкции определяются собственно причастием, а не функциональной структурой, задаваемой вспомогательным глаголом. В первую очередь этот вопрос возникает в связи с залоговой интерпретацией перфекта переходного глагола. Например, в немецком языке причастие переходного глагола имеет пассивную интерпретацию в атрибутивном употреблении (9a), однако включающий в свой состав то же причастие перфект имеет обе залоговые формы (10a-b):

- (10) a. Maria hat das Bild **gemahlt**.
 ‘Мария написала картину.’ (перфект, актив)
 b. Das Bild ist (von Maria) **gemahlt** worden.
 ‘Картина была написана (Марией).’ (перфект, пассив)

В хеттском языке аналитические конструкции, использующие предикативное причастие, не рекурсивны, вследствие чего выбор вспомогательного глагола в сочетании с причастием переходного глагола предопределяет функцию конструкции как пассива или перфекта, ср. (11a-b).

- (11) a. NH/NS (СТН 486.A) KUB 43.50+ rev. 30'-31'
išhiūll=a=šši GIM-an **iya-n**
 правило.NOM.SG.N=и=ему как делать.ПТСП.NOM.SG.N
 ‘Как ему **было сделано** правило’ (S. Görke (ed.), hethiter.net/: СТН 486 (TX 15.12.2015, TRde 17.07.2015)) (пассив)

- b. NH/NS (СТН 387.1) KUB 31.66+ obv. ii 1'-2'
nu=wa=za [...] **iya-n** **har-ta**
 CONN=QUOT=REFL делать-ПТСП.NOM.SG.N иметь-3SG.PST
 ‘Он [...] **сделал**’ (E. Rieken et al. (ed.), hethiter.net/: СТН 387.1 (INTR 2016-01-19)) (перфект).

Несмотря на наблюдаемое участие причастия как в пассивной, так и в активной перфектной конструкции, наличие обеих залоговых интерпретаций у причастия, тем не менее, вызывает определенные сомнения. Начиная с работ Э. Бенвениста (Benveniste 1962; см. также Houwink ten Cate 1973 с подробным обзором последующей литературы по вопросу) конструкции с

глаголом *ħark-* рассматриваются — по меньшей мере в диахронической перспективе — как перифрастические перфекты, в которых прямое дополнение зависит не от причастия, а от легкого глагола. Соответственно, причастие в этой конструкции не присоединяет прямого дополнения, напротив, оно является пассивным и определяет прямое дополнение глагола *ħark-*. Активный (перфект) или пассивный (пассив) характер аналитической конструкции определяется переходностью вспомогательного глагола. Впрочем, в недавних работах (см. Voley 1984; 2002; Hoffner, Melchert 2008: 311; Shatskov 2012) установлено, что для подавляющего большинства форм с грамматикализацией глагола ‘иметь’ в качестве показателя перфекта это не так — в них причастие действительно управляет аккумулятивом. При таком подходе причастие в предикативных аналитических конструкциях просто демонстрирует управление, характерное для финитного глагола.

Учитывая вышесказанное, мы исключаем из рассмотрения предикативные употребления причастий в составе аналитических конструкций, подобные (11a-b), как демонстрирующие залоговые альтернативы. Наиболее информативными в отношении залоговых характеристик нам представляются атрибутивные употребления причастий (см. также Embick 2004, McIntyre 2013 об атрибутивном контексте как исходном для адъективных причастий). Предикативные употребления причастий в составе перифрастических конструкций (примеры (6)–(7)) демонстрируют сходные свойства.

Итак, рассмотрим закономерности, регулирующие залоговые интерпретации атрибутивных причастий в хеттском языке.

Сформулированное в предшествующей литературе обобщение, согласно которому причастие переходных глаголов имеет пассивную интерпретацию, а причастие непереходных глаголов активную интерпретацию, в целом соответствует действительности и получило подтверждение на материале созданной нами базы данных употреблений причастий⁴. Однако нам представляется необходимым сделать несколько уточнений.

⁴ Корпус включает тексты, созданные в новохеттский период: молитвы (СТН 377, СТН 378.1, СТН 378.2, СТН 378.3, СТН 378.4, СТН 378.5, СТН 378.6, СТН 378.7, СТН 378.8, СТН 379, СТН 381, 382, 383.1, 384.1) на <http://www.hethport.uni-wuerzburg.de/HPM/index.php>; а также молитву Мурсили II по поводу прегрешений и изгнания Тавананны (Miller 2014); инструкции (Miller 2013), письма (Hoffner 2009; Hagenbuchner 1989; Giorgieri, Mora 2004), сны и обеты (de Roos

Глагол в хеттском языке не всегда может быть охарактеризован как переходный или непереходный безотносительно к спряжению (актив vs. меди) и, более того, к конкретному употреблению (наличие рефлексивной клитики =*za*, наличие прямого дополнения). В частности, могут быть выявлены следующие регулярные классы, представленные в Таблице 1 (см. также классификацию непереходных глаголов в Garrett 1996).

Имеются также глаголы, характеристики которых укладываются в комбинацию регулярных классов. Например, глагол *eṣ-* ‘занимать, заселять, сидеть, садиться’ имеет переходные употребления ‘занимать, заселять’ в активе и меди, но непереходные неаккузативные употребления ‘сидеть, садиться’ в активе и меди; глагол *waršiyē-* ‘успокаивать, успокаиваться’ имеет неаккузативную интерпретацию ‘успокаиваться’ в активе и меди, но переходную интерпретацию ‘успокоить’ в активе; глагол *ḫuittiyē-* ‘тянуть, тянуться, медлить’ демонстрирует переходные актив и меди в значении ‘тянуть’, неэргативный актив ‘тянуть=медлить’ и неаккузативный меди ‘тянуться’.

Важное обстоятельство, влияющее на залоговые характеристики причастия, состоит в том, что различным интерпретациям глагола, противопоставленным в финитных формах при помощи морфологической оппозиции актива и меди, соответствует одна и та же морфологическая форма причастия. Вследствие этого у глаголов класса 1 (а также 6, 9 и комбинированных классов) причастие может рассматриваться как имеющее пассивную интерпретацию для переходного значения глагола и активную интерпретацию для непереходного.

2007); Деяния Суппилулиуммы (del Monte 2009), Анналы Мурсила II (Goetze 1933) с последующими дополнениями; Анналы Хаттусили III (Gurney); Апологию Хаттусили III (Otten 1981); другие тексты, относящиеся к Хаттусили III (Ünal 1974); восстановление Нерика (Cornil, Lebrun 1972); Меморандум, касающийся Мурсила III (Cammarosano 2009); Наущение Мурсила II (Miller 2007); Афазию Мурсила II (S. Görke (ed.), hethiter.net/: СТН 486 (ТХ 15.12.2015, TRde 17.07.2015)); культовые инвентарные тексты (Hazenbos 2003); оракулы (Ünal 1978; van den Hout 1998; Sakuma 2009); договоры (СТН 42, СТН 62, СТН 69, СТН 89, СТН 105, СТН 123, СТН 141) (Friedrich 1926, 1930; del Monte 1986; González Salazar 1994) и на http://www.hethport.uni-wuerzburg.de/txhet_svh/textindex.php?g=svh&x=x), договор на бронзовой табличке (Otten 1988); договор с Ульми-Тешупом (van den Hout 1995); инвентарные тексты (Siegelová 1986). Древне- и среднехеттские тексты, дошедшие до нас в новохеттских копиях, в Корпусе не учитывались.

Таблица 1. Регулярные классы глаголов с точки зрения аргументной структуры

Классы глаголов	Актив	Медий
1. Переходные глаголы результата: <i>šywa-</i> ‘наполнять, наполняться’, <i>zinna-</i> ‘заканчивать, заканчиваться’, <i>weriye-</i> ‘призывать, присоединяться’	переходный	неаккузатив
2. Активные неаккузативы (в основном глаголы изменения состояния и движения): <i>akk-</i> ‘умирать’, <i>ašš-</i> ‘оставаться’, <i>pai-</i> ‘уходить’	неаккузатив	—
3. Медиальные неаккузативы (в основном стативы и фиентивы): <i>ar-</i> ‘стоять’, <i>eš-</i> ‘быть’, <i>takkeš-</i> ‘становиться большим’	—	неаккузатив
4. Переходные глаголы способа действия: <i>walh-</i> ‘ударять’, <i>malla-</i> ‘молотить’, <i>kuen-</i> ‘убивать’	переходный	—
5. Неэргативы: <i>kururiyaḥ-</i> ‘начинать войну’, <i>wašta-</i> ‘грешить’, <i>uške-</i> ‘смотреть’	неэргатив	—
6. Активные лабильные глаголы: <i>arai-</i> ‘подниматься, поднимать’, <i>nahḥ-</i> ‘опасаться, пугать’	переходный / неаккузатив	—
7. Активно-медиальные неаккузативы: <i>ḥark-</i> ‘погибать’, <i>ḥuwai-</i> ‘бежать’, <i>karuššīye-</i> ‘молчать’	неаккузатив	неаккузатив
8. Активно-медиальные переходные глаголы: <i>karš-</i> ‘резать’ ⁵	переходный	переходный
9. Медиальные лабильные глаголы: <i>karp-</i> ‘завершить, завершиться’ ⁶	—	переходный / неаккузатив

Необходимо подчеркнуть, что причастие парадигматически соотносится со всеми употреблениями данного глагола в финитных формах. Это особенно очевидно в случае противопоставления пассивного причастия от переходного употребления и активного причастия от (производного) неаккузатива.

Поскольку неаккузативы образуются от переходных глаголов путем изменения флексии на медиальную (Garrett 1990; 1996), возникает интересная проблема таксономии причастий: можно считать, что пассивные причастия переходных глаголов на самом деле образованы как активные причастия от неаккузативных глаголов, которые, в свою очередь, образованы от переходных глаголов. Таким образом, *tarnant-* ‘отпущенный’ не будет таксономически пассивным причастием от *tarna-*

⁵ Без учета значения ‘прекращаться’.

⁶ Без учета значения ‘поднимать’.

‘отпускать’, а будет активным причастием от неаккузатива *tarna-* ‘быть отпущенным’.

Мы полагаем, что такая трактовка не может быть в общем случае верной.

Во-первых, несколько глаголов, которые Гарретт относит к этому классу, очевидным образом не производны от переходных глаголов. К ним относятся *irmaliye-* ‘болеть’ и *war-* ‘гореть’, для которых не представлено переходное употребление той же самой лексемы. Во-вторых, имеется как минимум несколько глаголов, различающих активное причастие неаккузативного употребления и пассивное причастие переходного употребления. К ним относится, например, *šarra-* ‘ломаться (на части), разделяться’, который относится к неаккузативам (Garrett 1990: 91). Этот неаккузатив имеет медиальную флексию и отличается от пассива. Другим достаточно ясным случаем является *ninink-*. В переходном употреблении он значит ‘мобилизовать’, а в неаккузативном ‘двигаться, подниматься’, при этом в одном случае его причастие явно пассивно, а не неаккузативно, таким образом, оно образуется непосредственно от переходного значения ‘мобилизоваться’, а не от неаккузативного ‘двигаться, подниматься’. То же самое относится к неаккузативному *ħarp-* со значением ‘присоединяться’, при этом засвидетельствовано и пассивное причастие напрямую от переходного ‘складывать, сваливать’. Еще одним случаем является *weriye-* с неаккузативным значением ‘присоединяться’ при явно пассивном причастии от его переходного значения ‘звать’. В одном случае — KUB 14.15 rev. iv 49 — причастие со значительной степенью вероятности образовано именно от неаккузатива, а не от переходного глагола и переводится как ‘sollen sie sich nicht einlassen’, что идеально соответствует медиальным финитным формам, см. HEG (W: 496–8).

Таким образом, мы приходим к выводу, что неоднозначность залоговой интерпретации причастия в общем случае является следствием нефиксированности признака переходности в пределах финитной парадигмы глагола.

Еще один источник залоговой альтернативы в причастии — это регулярная реализация глаголов одного из переходных классов — класса 4 — в непереходной конфигурации (сам класс глаголов выделил Гарретт (Garrett 1997: 98–100) и обозначил их как ‘детранзитивы’). Глаголы класса 4 охарактеризованы в Таблице 1 как переходные глаголы способа действия (*manner verbs*), в противоположность переходным резуль-

тативным глаголам (result verbs) класса 1. Противопоставление глаголов способа действия и глаголов результата было введено в работах Б. Левин и М. Раппапорт Ховав (Levin, Rapoport Novav 1998, 2005, 2013; Rapoport Novav, Levin 2010) и затрагивает важные структурные характеристики значения переходных глаголов. Авторы предполагают, что лексическое значение глагола строится на основе одного из событийных шаблонов — состояния, деятельности, достижения, свершения — путем идентификации одной из подсобытийных переменных шаблона с лексической константой глагола, а аргументов шаблона — с аргументами лексической константы. Например, событийный шаблон деятельности [x АСТ_{<MANNER/INSTRUMENT/EMISSION/...>}] может быть реализован лексическими константами, обозначающими тип движения (*прыгать, танцевать, плыть, ...*), инструмент (*пилить, молотить, косить, ...*), вид эмиссии (*светить, дымить, пахнуть, ...*) и т. п. Все переменные шаблона должны быть идентифицированы с переменными лексической константы, однако переменные константы могут оставаться не идентифицированными с аргументами шаблона. Например, лексические константы — инструментальные деятельности в русском языке имеют обычно 2 аргумента (субъект и объект деятельности), но только один из них — деятель — соотносится с аргументом шаблона [x АСТ_{<...>}].

Более сложные событийные шаблоны включают несколько подсобытийных переменных, связанных логическими операторами. Например, событийный шаблон свершений имеет вид [[x АСТ_{<MANNER>}] CAUSE [BECOME [y <STATE>]]]. При этом одна лексическая константа может реализовать только одну из подсобытийных переменных (но возможна реализация разных подсобытийных переменных разными константами, например, комбинацией глагола и прилагательного в результативной конструкции, или глагола и лексического префикса, или глагола и каузативного показателя, и т. п.).

Различие переходных глаголов способа и результата определяется тем, какую подсобытийную переменную лексикализует глагол. Глаголы способа лексикализуют переменную [x АСТ_{<MANNER>}]. Вследствие этого второй аргумент лексической константы не находит отражения в событийном шаблоне и лицензируется только лексической константой. Такие аргументы, по мнению Левин и Раппапорт Ховав, могут быть опущены без ущерба для грамматичности предложения, и этим определяется регулярная альтернатива между переходной и неэрга-

тивной конструкцией: *John swept the floor / John swept* ‘Джон подметал пол / Джон подметал’. Глаголы результата, напротив, лексикализуют результирующее состояние, и поэтому могут реализовываться в шаблоне достижений (глаголов изменения состояния) [BECOME [у <STATE>]] и свершений (глаголов каузации изменения состояния) [[х АСТ_{<MANNER>}] CAUSE [BECOME [у <STATE>]]]. Совпадающий компонент изменения состояния [BECOME [у <STATE>]] предопределяет возможность каузативно-инхоативной альтернации между переходной и неаккузативной конструкцией: *John broke the vase / The vase broke* ‘Джон разбил вазу / Ваза разбилась’. Другой тип альтернации — между переходной и неэргативной конструкцией — для глаголов результата, напротив, невозможен, поскольку объект соответствует аргументу шаблона и не может быть опущен: *John broke the vase / * John broke* ‘Джон разбил вазу / *Джон разбивал’.

Возвращаясь к Таблице 1, мы видим, что переходные глаголы результата регулярно демонстрируют каузативно-инхоативную альтернацию между активом и медиум (класс 1); при этом, как показывает наша база, глаголы этой группы не демонстрируют неэргативных непереходных употреблений. Напротив, переходные глаголы способа не имеют неаккузативных медиальных употреблений (класс 4), однако регулярно выступают в качестве неэргативных глаголов (класс 5). В нашей базе такие употребления фиксируются, в частности, для глаголов *link-* ‘давать клятву, клясться’, *malai-* ‘одобрять’, *meta-* ‘говорить’, *paḥṣanu-* ‘защищать, быть на страже’, *tapar-* ‘править, управлять’. В этом случае причастие имеет активную интерпретацию (к этому типу относятся и обсуждаемые в литературе причастия глаголов *ṣakk-* ‘знать’, *ed-* ‘есть’ и *eku-* ‘пить’):

(12) NH/NS (СТН 255.1.A) KUB 21.42+ obv. ii 15'-16'

<i>nu</i> ZAG	<i>ṣekk-ant-et</i>	<i>zi-it</i>	<i>anda</i>	<i>lē</i>
CONN граница	знать-PTCP-INST	душа-INST	в	PROHIB
<i>kuiški</i>	<i>zāḥ-i</i>			
кто_то.NOM.SG.C	пересечь-3SG.PRS			

‘Пусть никто преднамеренно не пересекает границу’, букв. ‘со знающей душой’ (Miller 2013: 286-7; Dardano 2014: 247).

(13) NH/NS (СТН 62.A) KBo 5.9+ obv. ii 11'

<i>nu=wa=šma[š</i>	<i>paḥṣ]anuw-ant-eš</i>	<i>ēš-ten</i>
CONN=QUOT=вам	охранять-PTCP-NOM.PL.C	быть-2PL.IMP

‘Будьте осторожны!’ (G.Wilhelm – F.Fuscagni (ed.), hethiter.net/: СТН 62 (TX 16.10.2013, TRde 15.10.2013)).

(14) NH/NS (СТН 190) KBo 18.28 obv. i 12'

2-an *tapar-a[nt-]an=man=za* SAHAR *ḫalzā[...]*
 второй править-PTCP-ACC.SG.C=IRR=REFL грязь звать[...]
 ‘Но ты (?) бы назвал губернатора второго ранга грязью’ (Hagenbuchner 1989: 406; Giorgieri, Mora 2004: 96).

Таким образом, мы заключаем, что вторым источником неоднозначной залоговой интерпретации причастия является регулярная альтернатива глаголов способа между переходным и непереходным (неэргативным) употреблением.

Заметим, что во всех рассмотренных случаях интерпретация причастия однозначно соотносится с признаком переходности глагола в конкретном употреблении, и залоговая альтернатива причастия фиксируется только для глаголов с альтернативой по переходности — парадигматической или окказиональной. Критический характер переходности для залоговой интерпретации причастия отмечался многими исследователями хеттского языка (Houwink ten Cate 1973: 202 с более ранней литературой; Dardano 2014: 243; Rieken 2017: 391). Причины подобной корреляции часто усматривают в стативном характере причастия, вследствие чего оно относится к тому участнику, который находится или входит в состояние, специфицированное глаголом, или переходит в состояние в результате деятельности, специфицированной глаголом (Rieken 2017: 391).

Нам представляется, однако, что это объяснение неадекватно. С одной стороны, причастия неопределенных динамических глаголов обозначают не состояния, а процессы, причем не только хабитуальные (которые могут в принципе рассматриваться как стативы), но и актуально-длительные, ср.:

(15) NH/NS (СТН 81.A) KUB 1.1+ obv. ii 39

LÚ-LUM=*ma* *kui-š* *piran ḫūiy-anza* *ē[(š-ta)]*
 человек=но который-NOM.SG.C перед бежать-PTCP.NOM.SG.C быть-3SG.PRS
 ‘Человек, который руководил’, букв. ‘человек, который бежал впереди’ (Otten 1981: 12–13).

(16) NH/NS (СТН 40.III.d.1) KUB 19.7+ obv. i 3'-4'

nu ^{URU}*Kinza[-š ...]* *war-anza* *ēš-t[a]*
 CONN Кинца-NOM.SG.C гореть-PTCP.NOM.SG.C быть-3SG.PST
 ‘Город Кинца горел’ (del Monte 2009: 81).

С другой стороны, дистрибуция залоговых форм причастий в хеттском языке чрезвычайно похожа на дистрибуцию залоговых форм страдательных причастий в атрибутивном употреблении многих индоевропейских языков, например, германских или романских⁷. Таковую же корреляцию между залогом и переходностью основы демонстрируют русские событийные номинализации на *-ние* / *-тие* (Падучева 1977; Kortjevskaja-Tamm 1993, 2013; Engelhardt, Trugman 1998; Rappaport 1998, 2000; Лютикова 2014, 2016): генитивом оформляется единственный аргумент непереходного глагола и объект переходного глагола (17); возможно оформление генитивом субъекта переходного глагола в отсутствие объекта или в том случае, когда объект выражен альтернативной падежной или предложно-падежной формой (18). Из примеров видно, что в номинализациях переходных глаголов оформление аргументов следует пассивной модели, в то время как в других типах номинализаций используется активная модель⁸.

- (17) а. падение **курса рубля**
 б. ворчание **старика**
 с. исполнение **арии** Шаляпиным
- (18) а. исполнение (*арии) **Шаляпина**
 б. мщение **богов** (герою)
 с. нападение **врага** (на город)

Мы полагаем, что пассивный характер дериватов переходных глаголов в русских номинализациях, романских и германских причастиях и в хеттских причастиях может быть объяснен единообразно, при опоре на падежные ограничения на выражение аргументов. Важным свойством хеттских причастий является их неспособность иметь при себе аккумулятивное дополнение⁹ (Houwink ten Cate 1973: 202 с более ранней литературой; Dardano 2014: 243; Rieken 2017: 391); при этом допустимы именные группы в других падежах, а также агентивные дополнения:

⁷ Атрибутивные употребления возможны только для страдательных причастий неаккумулятивных, но не неэргативных глаголов.

⁸ Многие исследователи русских номинализаций высказывали предположение, что схема оформления аргументов возникает вследствие предварительной пассивизации переходных основ (Падучева 1977; Comrie 1980; Babby 1997; Engelhardt, Trugman 1998; Rappaport 2000).

⁹ Об исключениях см. ниже.

(19) NH/NS (СТН 526.7) KUB 42.100+ rev. iii 28'

1 *BIBRU* UDU.KUR.RA KÙ.BABBAR 4 *GÌR*^{MEŠ} *ar-anza*

1 ритон овца.горная серебро 4 ноги стоять-PTCP.NOM.SG.C

‘Один ритон в форме горной овцы из серебра, стоящая **на 4 ногах**’

(Hazenbos 2003: 19).

(20) NH/NS (СТН 584.3) KUB 15.11 rev. iii 16'–17'

nu 1 *ḫuganni-n* KÙ.BABBAR 1 *ḫūtanni-n* GU[ŠKIN] *IŠTU*

conn 1 x-ACC.SG.C серебро 1 x-ACC.SG.C золото с

Ì.DÙG.GA *šūwanteš* x[...] ^DUTU-š[=I ...]

масло.хорошее наполнять-PTCP.NOM/ACC.PL.C солнце=мое

GUŠKIN 1 MA.NA *piran* DÙ-*mi*

золото 1 мина перед делать-1SG.PRS

‘Затем я делаю заранее [...]1 серебряный х. (и) 1 золотой х., наполненные **качественным маслом** [...] его Величество (из) золота и 1 мину’ (de Roos 2007: 111).

(21) NH/NS (СТН 255.1.A) KUB 21.42+ obv. i 27'–30'

[*naš*]ma=*kan* ..ŠEŠ ^DUTU-š[=I] *kuiški* [MUNUS.LUGA]L

или=LOCP брат солнце=мое какой_то.NOM.SG.C царица

ḫašš-anza ...

рожать-PTCP.NOM.SG.C

‘Или если какой-то брат Моего Величества, рожденный **от царицы** ...’

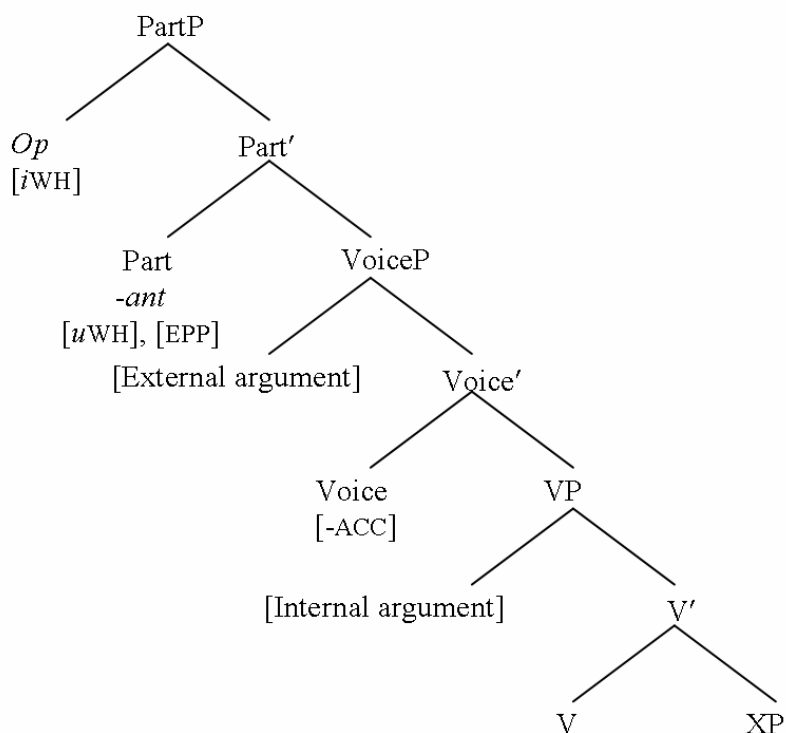
(Miller 2013: 284–5).

Наша гипотеза состоит в том, что хеттские причастия, как и русские номинализации (Alexiadou 2001), не имеют в своем составе функциональной вершины, способной приписывать структурный аккузатив прямому дополнению. Технически это может быть реализовано как селективные ограничения деривационной морфемы причастия (-*ant*) на тип залоговой вершины Voice [-ACC]. Функция причастной вершины Part состоит в притягивании нулевого релятивного оператора *Op*, который отвечает за превращение причастной конструкции в предикат над индивидами. Предположим, далее, что падежный фильтр запрещает существование беспадежных именных групп (Chomsky, Lasnik 1977; Chomsky 1981), а оператор избегает падежного фильтра в силу того, что является пустой категорией.

Структура причастной группы представлена в (22). Аргументные позиции глагола могут быть заполнены именными группами или оставаться пустыми (с учетом обуждавшихся выше ограничений). Кроме того, одна из аргументных позиций должна быть заполнена релятивным оператором. Обяза-

тельность и единственность оператора в структуре причастного оборота обеспечивается общими ограничениями на признаковое взаимодействие (вершина с признаком [*u*WH] должна вступить во взаимодействие ровно с одной вершиной с признаком [*i*WH]). Рассмотрим возможные в этих условиях структурные типы причастных групп.

(22)



Если заполнена только одна аргументная позиция, она заполнена оператором. Независимо от того, находится ли оператор в позиции внутреннего аргумента (неаккузатив, переходный глагол) или внешнего аргумента (неэргатив, производный неэргатив), он проходит падежный фильтр в силу своего характера. Соответственно, причастия неаккузативов и переходных глаголов обозначают предикат над индивидами, претерпевающими (или претерпевшими) изменение состояния, а причастия неэргативов и производных неэргативов — предикат над индивидами, вовлеченными в некоторую деятельность. Причастия от переходных глаголов, таким образом, интерпретируются как пассивные, прочие причастия — как активные.

Предположим теперь, что заполнены обе аргументные позиции. Это означает, что одна из позиций заполнена оператором, а вторая — именной группой. Однако ни в позиции внешнего, ни в позиции внутреннего аргумента именная группа не может получить падеж: падеж финитного подлежащего — номинатив — недоступен в нефинитной причастной группе, а падеж

прямого дополнения — аккузатив — отсутствует в силу ограничения деривационной морфемы Part на признаковые характеристики компонента VoiceP [-ACC]. Таким образом, отсутствие в причастном обороте источников структурных падежей делает возможным единственный способ интерпретации причастий: пассивная для переходных глаголов и активная для всех прочих случаев.

В пользу предложенного анализа косвенно свидетельствуют следующие данные. Dardano (2014: 253–256) отметила, что ограничение на аккузативно маркированную именную группу в причастном обороте не затрагивает два типа конструкций: во-первых, аккузатив тривиального объекта (cognate object) при непереходных глаголах (*жить жизнь, работать работу*) и, во-вторых, аккузатив отношения. Первый тип иллюстрируется примером (23), второй – (24).

(23) NS (СТН 671.1.A) KUB 36.89 rev. 56-58

^dTešimi=wa=kan āššiy-ant-i ginuw-a
Тесими=QUOT=LOCР любить-PTCP-LOC.SG ЛОНО-ALL.SG
šānizzi-uš *tiešh-uš* *šuppariya-nza* *ēš-ta*
сладкий-ACC.PL.C сон-ACC.PL.C спать-PTCP.NOM.SG.C быть-3SG.PST
‘Ты спал сладкие сны в лоне любимого Тесими’ (Dardano 2014: 253; CHD Š: 617).

Важно, что за пределами (23) глагол *šuppariye-* ‘спать’ является непереходным и неаккузативным (употребляется с клилическим субъектным местоимением по данным CHD Š: 617).

(24) NS (СТН 393.A) VBoT 24 rev. iii 11-13

nu=kan *kui[-š]* ^{UDU}*iyanza* IGI^{[III].A}-w-a
CONN=LOCР который-NOM.SG.C овца.NOM.SG.C глаза-ACC.PL.N
^dUTU-i *ne-anza*
солнце-DAT.SG поворачиваться-PTCP.NOM.SG.C
‘Какая овца повернута к солнцу (в отношении) глаз’ (D. Wawanyepesk (ed.), hethiter.net/: СТН 393 (INTR 2016–03–31)).

Аккузатив отношения представлен при пассивах или при непереходных глаголах и отпределяет по отношению к чему осуществляется действие (Dardano 2014: 254).

Такого рода примеры, однако, легко объяснимы в рамках предложенной модели. Дело в том, что подобные именные группы в финитных клаузах возникают независимо от переходности глагола — например, при неэргативах, а также в конструкциях с истинным аккузативным дополнением. Отсюда

можно заключить, что источником аккузатива в таких случаях не является вершина Voice. Предположительно, в (23)–(24) мы имеем дело не со структурным аккузативом прямого дополнения, а с лексическим аккузативом, подобным, например, предложно-управляемому аккузативу.

Единственным реальным контрпримером является следующий случай:

(25) INS (СТН 682.1.A) KUB 2.1 obv. ii 32

[(^{kuš}kur)]šan [š]ūwanza Labarna-š

охотня_сумка.ACC.SG наполнять.PTCP.NOM.SG.C лабарна-NOM.SG.C

^dL[AMMA-aš]

бог_защитник -NOM.SG.C

‘Бог-защитник Лабарны, наполняющий охотничью сумку’ (McMahon 1991: 102–3; CHD Š: 535).

Мы полагаем, что этот пример должен объясняться как обратное влияние причастий, которые употребляются в аналитических формах перфекта. В составе аналитических форм глагола причастия не имеют ограничений на сочетаемость с аккузативом. В хеттологии несколько раз высказывалось предположение, что даже в составе аналитического перфекта (Houwink ten Cate 1973: 202 с предшествующей литературой) причастия не управляли аккузативом, аккузатив в составе аналитических конструкций зависел от вспомогательного глагола ‘иметь’ (см. выше). Тем не менее, более поздние исследования (Boley 1984; 1992: 45; Hoffner, Melchert 2008: 311) показали, что для подавляющего большинства форм с грамматикализацией глагола ‘иметь’ в качестве показателя перфекта это не так – в них причастие действительно управляет аккузативом.

Итак, в этом разделе мы установили, что залоговая интерпретация причастия однозначно следует из (не)переходности глагола в конкретном употреблении. Залоговая альтернация причастий возможна в том случае, если причастие соотносится одновременно с переходным и непереходным глаголом (переходные глаголы результата), а также в том случае, когда переходный глагол допускает непереходное употребление (переходные глаголы способа).

3. Залоговые альтернации инфинитивов

Залоговые характеристики инфинитивов привлекали меньше внимания хеттологов, однако наличие примеров с однозначно пассивной интерпретацией инфинитивов переходных

глаголов не подвергается сомнению. При этом никаких соображений относительно дистрибуции активных и пассивных инфинитивов не высказывается: предположительно, любой переходный глагол может иметь активные и пассивные употребления инфинитива (ср. упоминавшиеся во введении работы Ose 1943: 55, 85; Kammenhuber 1954: 247–250, Hoffner, Melchert 2008: 332, Holland 2011).

На основании анализа более чем 400 контекстов, включающих инфинитив, мы установили, что пассивные интерпретации инфинитивов переходных глаголов возникают в строго определенном внешнем контексте, а именно в позиции компонентов реструктурирующих матричных предикатов.

Понятие реструктурирования было введено в ранних формально-синтаксических работах Rizzi (1978, 1982); Aissen and Perlmutter (1976, 1983). Под реструктурированием понимается реанализ полипредикативной структуры как монопредикативной. Существенные результаты в области типологии реструктурирования получены в диссертации С. Вурмбранд (Wurmbrand 1998, 2001): было обосновано противопоставление двух типов реструктурирования — лексического и функционального, — выявлены диагностики и предложены структурные репрезентации для обоих типов конструкций. В частности, лексическое реструктурирование происходит в таких конструкциях с актантными инфинитивами, где инфинитивная группа представляет собой не клаузу, а неполную проекцию глагольной области — группу лексического глагола (VP). Ярким свойством конструкций с лексическим реструктурированием является падежная зависимость дополнения инфинитива от залога матричной клаузы.

- (26) a. weil er den Traktor zu reparieren versuchte
 т. к. он.NOM трактор.ACC чинить.INF пробовать.PST.3SG
 ‘...так как он пытался чинить трактор’
- b. weil der Traktor zu reparieren versucht wurde
 т. к. трактор.NOM чинить.INF пробовать.PP AUX.PST.3SG
 ‘...так как пытались чинить трактор’
- c. weil die Traktoren zu reparieren versucht wurden
 т. к. трактор.PL.NOM чинить.INF пробовать.PP AUX.PST.3SG
 ‘...так как пытались чинить тракторы’

В (26) показана немецкая конструкция с лексическим реструктурированием. Мы видим, что дополнение переходного глагола *reparieren* ‘чинить’ получает аккузатив только в том случае, когда матричный предикат *versuchen* ‘пробовать’ имеет

форму актива (26а). Если же он употреблен в пассиве, дополнение инфинитива не может получить аккузатив и продвигается в позицию подлежащего, что видно как по его падежному оформлению, так и по способности контролировать предикативное согласование (26b-с). Отметим, что в этом случае инфинитив соотносится с пассивной интерпретацией ('быть починенным').

Возвращаясь к материалу хеттского языка, мы обнаруживаем, что активная и пассивная интерпретации инфинитива распределены так, как это ожидается в конфигурациях с лексическим реструктурированием. Рассмотрим минимальную пару в (27)–(28):

(27) NS (СТН.421.1С) KUB 17.14+ obv¹. 21'–22'
 [GIM]-an=ma kē _____ NIM^{MEŠ} DUTU-i
 когда=но этот.АСС.ПЛ.Н слова бог_солнца-DAT.SG
menahḫanda [memi]ya-wanzi **zinnai**
 против говорить-INF заканчивать.3SG.PRS
 'Когда она **заканчивает** говорить эти слова богу солнца' (Kümmel 1967: 60).

(28) MH/MS (СТН 777.Tf10.2.A) KUB 29.8 obv. i 1–2
nu māḫḫan ša GAL^{III.A} waršiy-aš memiyani-eš
 CONN когда GEN чаши успокоение-GEN.SG слово-NOM.PL.C
ḫurlili *memiya-wanzi* **zinnandari**
 хурритски говорить-INF заканчивать.3PL.PRS.MED
 'Когда заканчивают говорить по-хурритски слова умиротворения чаш', букв. 'слова умиротворения чаш **заканчиваются** говорить'
 (Haas 1984: 86).

В примере (27) прямое дополнение инфинитива *kē* INIM^{MEŠ} 'эти слова' стоит в аккузативе, так что инфинитив имеет синтактику активного; при этом матричный предикат *zinna-* 'заканчивать' также употреблен в активном залоге. Он согласуется со своим собственным подлежащим (нулевым местоимением 3 лица ед. числа общего рода), а не с прямым дополнением, имеющим признаки 3 лица мн. числа среднего рода. Заметим, что сам матричный предикат *zinna-* 'заканчивать' переходный, что видно из его употребления в (29). Таким образом, пример (27) структурно идентичен немецкому примеру (26а).

(29) MH/MS (СТН 190) НКМ 72 obv. 14–15
nu armizzi hūdāk **zinna-šten**
 CONN мост.АСС.СГ/ПЛ.Н немедленно заканчивать-2PL.IMP
 'И **закончите** мост немедленно!' (Hoffner 2009: 231).

В примере (28) дополнение инфинитива $\check{S}A\ GAL^{HLA} war\check{s}iya\check{s} temiyanie\check{s}$ ‘слова умиротворения чаш’ выступает в форме номинатива, а согласование матричного предиката указывает на контролер 2 лица мн. числа общего рода, который в этой клаузе может быть идентифицирован только со ‘слова умиротворения чаш’. При этом матричный предикат *zinna-* ‘заканчивать’ употреблен в медиальном залоге, по-видимому, с пассивным значением. Соответственно, пример (28) образует параллель к немецким примерам (26b-c).

Итак, наше обобщение относительно пассивной интерпретации инфинитива выглядит следующим образом. Прямое дополнение инфинитива может продвигаться в позицию подлежащего матричной клаузы и тем самым обеспечивать пассивную конструкцию инфинитива в том случае, если матричный предикат непереходный и имеет место реструктурирование. Все примеры пассивных употреблений инфинитивов в нашем корпусе — это конструкции, в которых инфинитивный оборот выступает компонентом непереходного предиката, имеющего ситуационную семантическую валентность. К ним относятся:

- пассивы некоторых переходных матричных предикатов, таких как *handaye-* ‘устанавливать, устанавливать’, *irhaye-* ‘заниматься по очереди’, *zinna-* ‘заканчивать’;
- неаккузативный глагол *ki-* ‘лежать, оставаться’;
- глагол *e\check{s}-* ‘быть’ в качестве матричного предиката в модальных конструкциях вспомогательного глагола с инфинитивом;
- прилагательные в конструкциях, аналогичных английским конструкциям *easy-to-please*.

Ниже приводятся соответствующие примеры: в (30) — пассив матричного глагола, в (31) — неаккузативный матричный глагол, в (32) — модальная инфинитивная конструкция, в (33) — адъективный предикат.

(30) медиальный пассив матричного глагола *handaye-* ‘устанавливать, устанавливать’

NH/NS (СТН 590) KUB 56.23 obv. 11

n=at *mān* *hališš-ūwanzi* **SI×SÁ-antar[i]**

CONN=они если отлить-INF установить-3PL.PST.MED

‘Если они **определены** для отливки (в металле)’, ср. de Roos (2007: 260–1).

(31) неаккузативный матричный предикат *ki-* ‘лежать, оставаться’

NH/NS (СТН 530) KUB 57.108+ obv. ii 15'

INA É.GAL-LIM=at¹⁰=kan punušš-uwanzi EGIR-pa GAR-ri

в дворец=оно=ЛОСР спрашивать-INF назад лежать-3SG.PRS.MED
‘Об этих вещах все же предстоит осведомиться во дворце’ (Hazenbos 2003: 104).

(32) модальная инфинитивная конструкция со вспомогательным глаголом *eš-* ‘быть’

MH/MS? (СТН 479.1.A) KBo 24.45+ obv. 26'-27'

namta mān apēdani DINGIR-LIM-n-i [(šehe)]liški-š

потом если тот.DAT.SG бог-DAT.SG ритуал_очищения-NOM.SG.C
pi-anna ēš-zi

давать-INF быть-3SG.PRS

‘Потом, если **очистительный ритуал** должен быть дан тому богу, ...’
(CHD Š: 348; S. Ünal (ed.), hethiter.net/: СТН 479.1 (TX 03.03.2017, TRde 03.03.2017)).

(33) адъективный матричный предикат

RS 25.421 rev. 54-56

^{URU}*Akitumaš=ma=aš SISKUR-eššar anda=kan*

Акитума=но=она приношение.NOM.SG.N в=ЛОСР INF

u-škiya-uwanzi kui-t šanizzi

смотреть-IMPF-INF который-NOM.SG.N сладкий.NOM.SG.N

‘Она — приношение ритуала Акити, на которое **приятно** смотреть’
(Hoffner, Melchert 2008: 332; Laroche 1968: 774-5, 779).

Важно подчеркнуть, что перечисленными конфигурациями случаи пассивных употреблений инфинитивов переходных глаголов исчерпываются. Они отсутствуют, в частности:

— при реструктурирующих предикатах в переходном употреблении ((27), (34));

— при нереструктурирующих предикатах (35);

— в конструкциях с целевым инфинитивом (36).

(34) переходный реструктурирующий матричный предикат

NS (СТН 448.2.A) KUB 17.18+ obv. ii 15'

n=ašta GIM-an ṬUPPA^{HI.A}-ašš=a memiyan-uš anda

CONN=ЛОСР когда таблички-GEN.PL=и слово-ACC.PL.C в

memiya-uwanzi aššanuw-anzi

говорить-INF заканчивать-3PL.PRS

¹⁰ Субъект ‘оно, это’ в (31) не анафоричен ни одной именной группе в прешествующем контексте. Наиболее вероятно, он относится ко всей прешествующей ситуации.

‘Когда они заканчивают говорить слова таблички’ (S. Görke (ed.), *hethiter.net/*: СТН 448.2.1.1 (INTR 2016-07-01)).

(35) нереструктурирующий матричный предикат

NS (СТН 422.A) KUB 4.1 obv. ii 19–20

nu *ša* KUR ^{URU}*Hatti* DINGIR^{MEŠ} *antuḫšušš*=[a]
CONN GEN страна Хатти боги человек.ACC.PL.C=и

ēšhar *iya-uwanna* *ḫalzi-šš-anzi*
кровь.ACC.SG.N делать-INF звать-IMPF-3PL.PRS

‘(Каски) призывают богов и людей страны Хатти проливать кровь’ (F. Fuscagni (ed.), *hethiter.net/*: СТН 422 (INTR 2016-08-04)).

(36) целевой инфинитив

OH/MS (СТН 3.1.A) KBo 22.2 rev. 13

LUGAL-*u-š* ^{URU}*Hattuša* DINGIR^{DIDL}-*uš* *ar-uwanzi*
царь-NOM.SG.C Хаттуса боги-ACC.PL.C почитать-INF

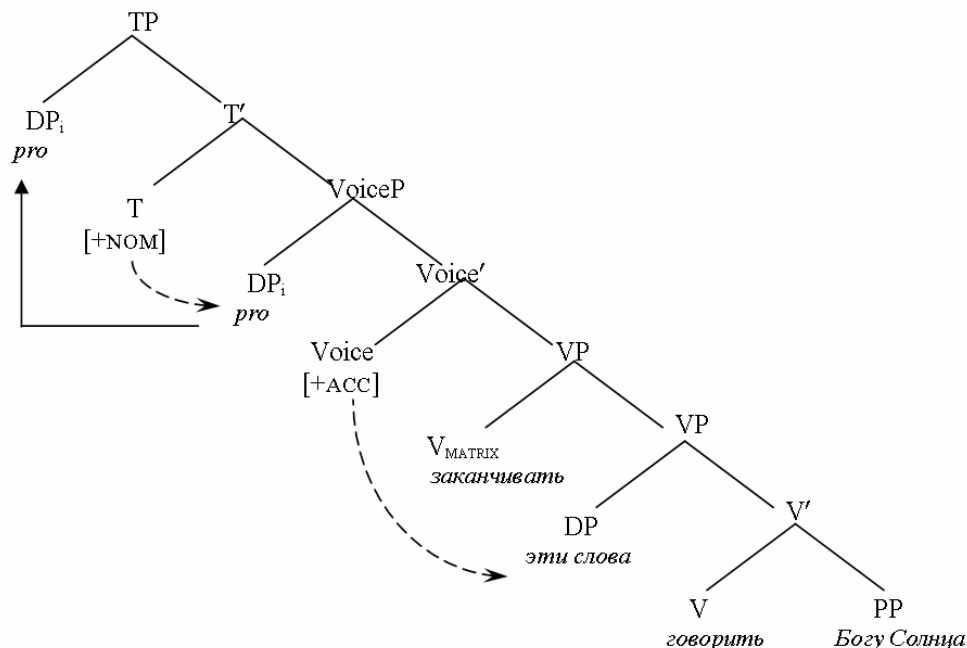
uē-t
приходить-3SG.PST

‘Царь вернулся в Хаттусу почитать богов’ (Otten 1973: 12–13).

Таким образом, пассивные употребления инфинитива обнаруживаются именно в тех конфигурациях, которые демонстрируют лексическое реструктурирование в немецком (Wurmbrand 1998, 2001): непереходные матричные предикаты в конструкциях с актантными инфинитивами. При этом переходные глаголы, инфинитивы которых используются как пассивные, не образуют естественного класса и не могут быть обобщены в структурно-семантических терминах наподобие тех, что мы использовали для обобщения над образующими активную конструкцию причастиями.

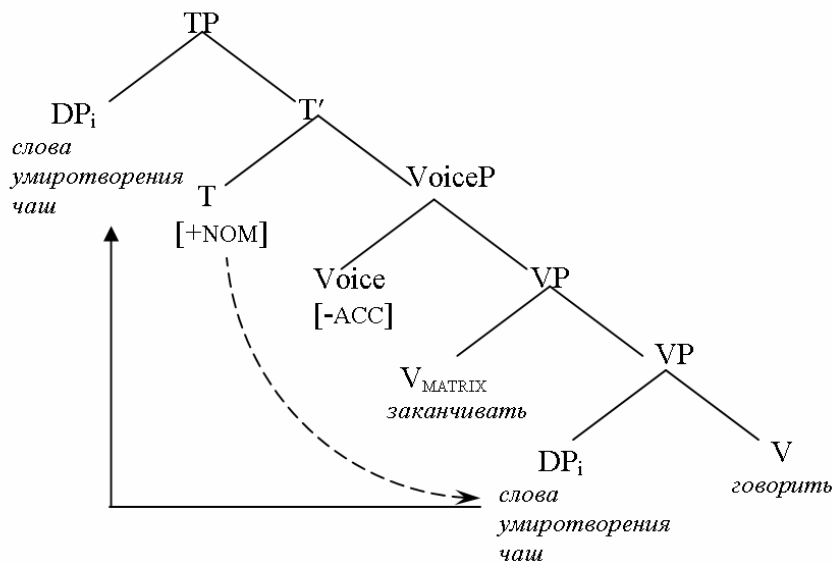
Мы предлагаем следующий анализ пассивных употреблений инфинитивов при реструктурировании в хеттском языке. Мы принимаем гипотезу С. Вурмбранд и считаем, что в конфигурациях с лексическим реструктурированием представлен инфинитивный оборот малой структуры — VP-инфинитив. Ввиду отсутствия собственной проекции залога (VoiceP) его залоговые характеристики (в первую очередь — способность иметь аккузативное прямое дополнение) определяются залоговой вершиной в главной клаузе. В том случае, когда матричный глагол в реструктурирующей конфигурации переходный и употреблен в активном залоге, как в примере (27), залоговая вершина Voice в главной клаузе переходная. За счет нее обеспечивается получение аккузатива прямым дополнением инфинитива (см. дерево (37)).

(37) синтаксическая структура клаузы (27): активная интерпретация инфинитива



Если же матричный предикат в реструктурирующей конструкции непереходный (38), прямое дополнение инфинитива не может получить аккузатив ни в инфинитивном обороте, из-за отсутствия собственной залоговой вершины, ни от залоговой вершины главной клаузы (матричный предикат непереходный). В этом случае источником падежа для дополнения инфинитива становится финитная предикативная вершина главной клаузы: она согласуется по лицу, числу и роду с дополнением инфинитива, приписывает ему номинатив и, по-видимому, вызывает его передвижение в позицию подлежащего.

(38) синтаксическая структура реструктурирующей конструкции (28)



Таким образом, залоговые альтернации инфинитивов, фиксируемые в текстах, не могут служить свидетельством того, что инфинитив переходного глагола передает активную и пассивную зависимую клаузу. Активное и пассивное прочтение инфинитива является следствием того, что инфинитив может входить в конструкции с лексическим реструктурированием, и в этих конструкциях не имеет функциональной проекции, определяющей его залог. Соответственно, способность инфинитива иметь аккузативное прямое дополнение зависит от переходности матричного предиката, а не от самого инфинитива.

4. Заключение

В этой статье мы рассмотрели залоговые характеристики двух нефинитных форм глагола — причастия и инфинитива — в хеттском языке. Обе эти формы неспособны выражать залог морфологически, однако выступают в конструкциях, характеризующих эти нефинитные формы как активные или пассивные. Соответственно, хеттологическая литература рассматривает и причастия, и инфинитивы как формы, способные соотноситься как с активными, так и с пассивными финитными употреблениями глагола.

Мы показали, что неоднозначность залоговой интерпретации причастий и инфинитивов имеет разные источники. Для причастий определяющим является лексико-грамматический разряд глагола в его конкретном употреблении: глаголы в переходных употреблениях имеют пассивную интерпретацию причастия, в непереходных — активную. Случаи, когда у некоторого причастия имеются и активные, и пассивные употребления, однозначно соотносятся со способностью глагола выступать в переходной и непереходной конструкции в финитной клаузе.

Залоговые альтернации инфинитивов возможны в пределах определенной структурной конфигурации, а именно — в составе лексической реструктурирующей конструкции. В таких конструкциях залоговая интерпретация инфинитива однозначно соотносится с переходностью матричного предиката: при переходных матричных предикатах инфинитив интерпретируется активно, при непереходных — пассивно. Во всех прочих случаях инфинитив образует активную конструкцию.

Литература

- Aissen, J., Perlmutter, D. 1976: Clause reduction in Spanish. In: *Proceedings of the Second Annual Meeting of the BLS*, ed. by H. Thompson et al., 1–30.
- Aissen, J., Perlmutter, D. 1983: Clause reduction in Spanish. In: *Studies in Relational Grammar*, ed. by D. Perlmutter, Chicago: University of Chicago Press, 360–403.
- Alexiadou, A. 2001: *Functional structure in nominals: Nominalization and ergativity*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins.
- Alexiadou, A., Rathert, M., von Stechow, Arnim 2003: *Perfect explorations* (Interface Explorations 2). Berlin: de Gruyter. DOI: <https://doi.org/10.1515/9783110902358>
- Babby, L. 1997: Nominalization in Russian, In: *Formal approaches to Slavic linguistics: The Cornell meeting*, ed. by W. Browne, E. Dornisch, N. Kondrashova and D. Zec. Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 54–83.
- Benveniste, E. 1962: *Hittite et Indoeuropéen*, Paris.
- Boley, J. 1984: *The Hittite hark-Construction*. Innsbruck. (= IBS 44)
- Boley, J. 1992: The Hittite Periphrastic Constructions, In: *Per una grammatica ittita*, ed. By O. Carruba (SM 7), Pavia: Gianni Luculano Editore, 33–59.
- Borik, O. 2013: Past participles and the eventive/adjectival passive in Russian. In: *Proceedings of Sinn und Bedeutung 17*, ed. by E. Chemla, V. Homer, G. Winterstein, 115–132.
- Borik, O., Gehrke, B. 2019: Participles: Form, use and meaning. *Glossa: a journal of general linguistics* 4 (1): 109, 1–27.
- Businger, Martin 2013: *Haben-statives in German: A syntactic analysis*. In: *Non-canonical passives*, ed. by A. Alexiadou, F. Schäfer. Amsterdam: John Benjamins, 141–161.
- CHD — *The Hittite Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago*. Ed. by Hans Güterbock, Harry Hoffner, Theo van den Hout Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago, 1989-.
- Comrie, B. 1980: Nominalization in Russian: lexical noun phrases or transformed sentences? In: *Morphosyntax in Slavic*, ed. by C. Chvany and R. Brecht. Columbus: Slavica Publishers, 212–220.
- Dardano, P. 2014: Das hethitische Partizip – eine Frage der Diathese? In: *Proceedings of the Eighth International Congress of Hittitology* Warsaw, 5–9 September 2011, ed. by P. Taracha, Warsaw: Agade, 236–262.
- Embick, D. 2004: On the structure of resultative participles in English. *Linguistic Inquiry* 35(3). 355–392.
- Engelhardt, M. and Trugman, H. 1998: D as a source of adnominal genitive in Russian. In: *Formal approaches to Slavic linguistics. The Connecticut meeting 1997*, ed. by Ž. Bošković, S. Franks and W. Synder. Ann Arbor, MI: Michigan Slavic Publications, 114–133.
- Garrett, A. 1990: *The syntax of Anatolian Pronominal Clitics*. PhD Dissertation, Harvard University.
- Garrett, A. 1996: Wackernagel's Law and Unaccusativity in Hittite, In: *Approaching Second. Second Position Clitics and Related*

- Phenomena*, ed. by A. L. Halpern, A. M. Zwicky, Stanford, California: CSLI Publications Center for the Study of Language and Information, 85–134. (= CSLI Lecture Notes Number 61)
- Gese, Helga. 2013. Another passive that isn't one: On the semantics of German *haben*-passives. In: *Non-canonical passives*, ed. by Artemis Alexiadou & Florian Schäfer, Amsterdam: John Benjamins, 163–183.
- HEG – J. Tischler, *Hethitisches etymologisches Glossar*. Innsbruck, 1977–2010.
- Hoffner, Harry A. Jr. and Melchert, H. Craig 2008: *A Grammar of the Hittite Language*. Part 1. Reference Grammar. Winona Lake, Indiana: Eisenbrauns.
- Houwink ten Cate, Philo 1973: Impersonal and Reflexive Constructions of the Predicative Participle in Hittite. In: *Symbolae Biblicae et Mesopotamicae F. M. Th. de Liage Böhl dedicatae*, 199–210.
- Holland, Gary 2011: Active and Passive in Hittite Infinitival Constructions. In: *Proceedings of the 22nd Annual UCLA Indo-European Conference*, ed. by Stefanie W. Jamison, H. Craig Melchert and Brent Vine, 69–82. Bremen: Hempen.
- Kammenhuber, A. 1954: Studien zu den hethitischen Infinitivesystem. *MIO* 2. 44–77, 245–265, 403–444.
- Koptjevskaja-Tamm, M. 1993: *Nominalizations*. London: Routledge.
- Koptjevskaja-Tamm, M. 2013: Action nominal constructions. In: *The world atlas of language structures online*, ed. by M. Dryer and M. Haspelmath. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. (Available online at <http://wals.info/chapter/62>, Accessed on 2016–01–09.)
- Kratzer, Angelika 1994: *The event argument and the semantics of Voice*. Ms. University of Massachusetts at Amherst.
- Levin, B., Rappaport, H., M. 2005: Argument Realization. *Research Surveys in Linguistics Series*. Cambridge University Press. Cambridge, UK.
- Levin, B. and Rappaport H., M. 2013: Lexicalized Meaning and Manner/Result Complementarity. In: *Subatomic Semantics of Event Predicates*, ed. by B. Arsenijević, B. Gehrke, and R. Marín, Springer, Dordrecht, 49–70. (22 pages; revised June 2011)
- Ljutikova, E. A. 2014: [Russian Genitive possessor and formal models of nominal group]. In: Ljutikova, E. A., Zimmerling, A. V., Konoshenko, M. B. (eds.). *Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov [Typology of morphosyntactical parameters]*. Proceedings of International Conference «Typology of morphosyntactical parameters 2014». Part 1. Moscow, 120–145.
- Лютикова, Е. А. 2014: Русский генитивный посессор и формальные модели именной группы. В сб.: *Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2014»*. Вып. 1. Под ред. Е. А. Лютиковой, А. В. Циммерлинга, М. Б. Коношенко. М., 2014, 120–145.
- McIntyre, Andrew 2013: Adjectival passives and adjectival participles in English. In: *Non-canonical passives*, ed. by Artemis Alexiadou &

- Florian Schäfer, Amsterdam: John Benjamins, 21–42.
- Ose, Fritz 1944: *Supinum und Infinitiv im Hethitischen* (Mitteilungen der Vorderasiatisch-Ägyptischen Gesellschaft 47/1). Leipzig: Hinrichs.
- Rappaport Hovav, M. and Levin, B. 1998: Building Verb Meanings, In: *The Projection of Arguments: Lexical and Compositional Factors*, ed. by M. Butt and W. Geuder, Stanford, CA: CSLI Publications, 97–134.
- Paducheva, E. V. 1977: [On derivative diathesis of predicate nouns in Russian]. In: Khrakovsky, V. S. (ed.). *Problemy lingvisticheskoy tipologii i struktury yazyka* [Problems of linguistic typology and language structure]. Leningrad, 84–107.
- Падучева, Е. В. 1977: О производных диатезах отпредикатных имен в русском языке. В сб.: *Проблемы лингвистической типологии и структуры языка*. Под ред. В. С. Храковского. Л., 84–107.
- Paslawska, A., von Stechow, A. 2003: Perfect readings in Russian. In: *Perfect explorations*, ed. by Artemis Alexiadou, Monika Rathert & Arnim von Stechow. Berlin: Mouton de Gruyter, 307–362. (= Interface Explorations 2).
- Rapp, I. 2001: The attributive past participle: Structure and temporal interpretation. In: *Audiatur vox sapientiae: A Festschrift for Arnim von Stechow*, ed. by Caroline Féry & Wolfgang Sternefeld, Berlin: Akademie-Verlag, 392–409.
- Rappaport, G. 2000: The Slavic noun phrase in comparative perspective. In: *Comparative slavic morphosyntax*, ed. by S. Harves and J. Lavine. Bloomington: Slavica Publishers, 1–25.
- Rappaport H., M., Levin, B. 2010: Reflections on Manner/Result Complementarity. In: *Syntax, Lexical Semantics, and Event Structure*, ed. by E. Doron, M. Rappaport Hovav, and I. Sichel, Oxford University Press, Oxford, UK, 21–38.
- Rieken, Elisabeth 2017: Das hethitische Partizip: Zur Schnittstelle von Syntax und Semantik, In: *Verbal Adjectives and Participles in Indo-European Languages*. Proceedings of the conference of the Society for Indo-European Studies (Indogermanische Gesellschaft), Paris, 24th to 26th September 2014, ed. by C. Le Feuvre, Daniel Petit and G.-J. Pinault, Bremen: Hempen Verlag, 391–403.
- Rizzi, L. 1978: A restructuring rule in Italian syntax. In: *Recent transformational studies in European languages*, ed. by Samuel Jay Keyser. MIT Press, 113–158.
- Shatskov, A. 2012: Split Auxiliary System in Hittite? *Indo-European Linguistics and Classical Philology* 16, 870–876.
- Rizzi, Luigi 1982: *Issues in Italian syntax*. Foris Publications.
- Wurmbrand, Susi 1998: Infinitives. PhD thesis, MIT.
- Wurmbrand, Susi 2001: *Infinitives: Restructuring and clause structure*. de Gruyter.

Издания текстов

- Cammarosano, M. 2009: A Coregency for Mursili III? *AoF* 36/1, 171–202.
- Friedrich, J. 1926: *Staatsverträge des Hatti-Reiches in hethitischer Sprache*, 1. Teil. Leipzig: J. C. Hinrichs'sche Buchhandlung (= MVAeG 31/1).
- Friedrich, J. 1930: *Staatsverträge des Hatti-Reiches in hethitischer Sprache*, 2. Teil. Leipzig: J. C. Hinrichs'sche Buchhandlung (MVAeG 34/1).
- Giorgieri, M., Mora, C. 2004: *Le lettere tra i re ittiti e i re assiri ritrovate a Hattuša*. Padova: S.a.r.g.o.n Editrice e Libreria (= HANEM 7).
- Goetze, A. 1933: *Die Annalen des Mursilis*. Leipzig: J. C. Hinrichs'sche Buchhandlung (=MVAeG 38).
- González, S., J. M. 1994: Tiliura, un ejemplo de la política fronteriza durante el imperio hitita. *Aula orientalis* 12, 159–176. (= CTH 89)
- Gurney, O. R. 1997: The Annals of Hattusili III. *Anatolian Studies* 47, 127–139.
- Haas, V. 1984: *Die Serien itkahi und itkalzi des AZU-Priesters, Rituale für Tašmišarri und Tatuhepa sowie weitere Texte mit Bezug auf Tašmišarri* (ChS 1.1). Roma: Multigrafica editrice.
- Hagenbuchner, A. 1989: *Die Korrespondenz der Hethiter*, 2. Teil. *Die Briefe mit Transkription, Übersetzung und Kommentar*. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag (= THeth 16).
- Hazenbos, J. 2003: *The Organization of the Anatolian Local Cults During the Thirteenth Century B.C.* Brill: Styx (= CM 21).
- Hoffner, H. A. Jr. 2009: *Letters from the Hittite kingdom*, Atlanta: Society of Biblical Literature (= SBL WAW 15).
- van den Hout, Th. 1995: *Der Ulmitešub-Vertrag*. Wiesbaden: Harrassowitz (= StBoT 38).
- van den Hout, Th. 1998: *The Purity of Kingship. An Edition of CTH 569 and Related Oracle Inquiries of Tudhaliya IV*. Leiden and Boston: Brill (= DMOA 25).
- Kümmel, H. M. 1967: *Ersatzrituale für den hethitischen König*. Wiesbaden: Harrassowitz (= StBoT 3).
- Laroche, E. 1968: Addendum. Textes de Ras Shamra en langue hittite. In: *Ugaritica V: nouveaux textes accadiens, hourrites et ugaritiques des archives et bibliothèques privées d'Ugarit* (Mission de Ras Shamra XVI), ed. By Jean Nougayrol, Emmanuel Laroche, Charles Virolleaud, Claude F. A. Schaeffer, Paris: Imprimerie nationale, 769–784.
- McMahon, G. 1991. *The Hittite State Cult of Tutelary Deities*. Chicago; Illinois: The Oriental Institute of the University of Chicago (= AS 25).
- Miller, J. 2007: Mursili II's dictate to Tuppi-Teššup's Assyrian antagonists. *KASKAL* 4, 121–152.
- Miller, J. 2013: *Royal Hittite Instructions*. Atlanta; Georgia: Society of Biblical literature (= SBL Writings from the Ancient World 31).
- Miller, J. 2014: Mursili II's Prayer Concerning the Misdeeds and the Ousting of Tawananna. In: *Proceedings of the Eighth International Congress of Hittology Warsaw, 5-9 September 2011*, ed. by P. Taracha, Warsaw: Agade, 516–557.

- del Monte, G. F. 2008: *Le gesta di Suppiluliuma. Traslitterazione, traduzione e commento. L'opera storiografica di Mursili II re di Hattusa*. Vol. I. Pisa: Edizioni Plus Pisa University Press.
- Otten, H. 1973: *Eine althethitische Erzählung um die Stadt Zalpa*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz (= StBoT 17).
- Otten, H. 1981: *Die Apologie Hattusilis III*. Wiesbaden: Harrassowitz (StBoT 24).
- Otten, H. 1988: *Die Bronzetafel aus Boğazköy*. Wiesbaden: Harrassowitz (= StBoT Bh 1).
- de Roos, J. 2007: *Hittite Votive Texts*. Leiden: Nederlands Instituut voor het Nabije Oosten (= PIHANS CIX).
- Sakuma, Y. 2009: *Hethitische Vogelorakeltexte*. PhD Dissertation, Julius Maximilians-Universität, Würzburg.
- Siegelová, J. 1986: *Hethitische Verwaltungspraxis im Lichte des Wirtschafts- und Inventardokumente*. Prague.
- Ünal, A. 1974: *Hattušili III*. Teil I. Hattušili bis zu seiner Thronbesteigung. Bd 2. Quellen und Indices, Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag (= THeth. 4).
- Ünal, Ahmet 1978: *Ein Orakeltext über die Intrigen am hethitischen Hof (KUB XXII 70 = Bo 2011)*. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag (THeth 6).